

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ АКТРИСЫ

На вопрос читателя отвечает народная артистка РСФСР Людмила Касаткина

«Я слышала, что наши прославленные артисты получают много писем от зрителей. Хотелось бы знать, у кого из них самая большая почта? Интересно, кто им пишет и о чем?»

Т. ПАНТЕЛЕЕВА, студентка.

Волгоград.

Непокорная шекспировская красавица Катарина, чеховская «душечка», мужественная советская разведчица Нила, партизанка Аня Морозова, великая русская актриса Савина. Кому не запали в сердце эти пленительные женские образы, созданные актрисой Людмилой Касаткиной! Вряд ли найдутся люди, которым она незнакома. Мы встречаемся с ней на сцене театра Советской Армии, на концертной эстраде, на экранах кино и телевидения. За судьбой советской девушки Ани Морозовой в течение нескольких вечеров с волнением следили миллионы телезрителей в нашей стране и за рубежом. Всем, кто слышал голос Касаткиной, особого тембра, с неповторимыми интонациями, кто видел открытое милое лицо, трудно устоять перед обаянием ее актерского таланта. И люди, коренные дарованием актрисы, берутся за перо.

Получает ли Касаткина самое большое количество писем? Никто не подсчитывал, да и не нужно это. Но ее имя было названо в числе «рекордсменов». Тысячи писем... Чтобы бегло прочитая их, и то понадобится не один день. Познакомиться с почтой помогает сама Людмила Ивановна. Она хорошо ее знает. Ведь каждое письмо — живой человеческий голос.

Что же он говорит?

Письма-признания и письма-вопросы, письма-исповеди и письма-воспоминания. В них советы, просьбы, благодарности, пожелания.

«Две недели назад я видел и слышал Вас в Варшавском телевидении как Аню Морозову. Жизнь русской девушки на территории, занятой гитлеровцами, была представлена Вами очень верно. Ваша игра дала нам, польским телезрителям, еще более яркое представление о советской молодежи. История Ани напоминает мне судьбу польской девушки по имени Ванька, с которой мне лично пришлось работать во время оккупации Польши в одном отряде, борющемся с германским врагом...»

Богдан Зенович.

Но больше всего писем, которые на первый взгляд, пожалуй, не назовешь особо интересными. «Очень я переживала за Нилу, когда смотрела пьесу «Барабанщица», роль которой Вы играли, — пишет ученица десятого класса В. Коротченко из Ростова-на-Дону. — И гордилась ее полвигмо, а было страшно за нее и ужасно жалко. Я даже плакала». Немудреные слова, простые чувства.

Но Людмила Ивановна расценивает их по-своему:

— Спектакль вызвал в девушке сострадание, гуманность, душевную отзывчивость. Разве этого мало? На такой благодатной почве впоследствии произрастает и глубокое понимание искусства, и высокая культура чувств.

...На конверте штемпель «По-

левая почта», внизу подпись — сержант Николаев: «С восхищением смотрел по телевизору «Вызываем огонь на себя». Пришел, когда фильм уже начался, и был уверен, что смотрю документальную ленту. Так правдиво в нем играли актеры, особенно Вы, Людмила Ивановна. Можно подумать, что Вы были на войне, прошли все те испытания, которые выпали на долю Ани. Смотрел на Вас — Аню и совестно стало. Ей было столько же лет, сколько мне сейчас. А что я сделал для Родины?»

Разбужена человеческая совесть... Может ли быть большая награда актеру за его труд! Труд радостный, но неизменно тяжелый. Тяжелый до пота, до изнурения труд, который забирает все душевные силы без остатка. И надо иметь огромную выдержку, терпение, волю, чтобы стать хорошим актером.

— Об этом я неустанно твержу молодежи, которая мечтает о сцене, о славе, — продолжает Людмила Ивановна. — Хочу напомнить им старую истину: лишь тот приблизится к цели, кто любит искусство, а не себя в нем.

Интересно, что сам характер почты за последние пять-шесть лет заметно изменился.

— Зрители выросли духовно, стали образованнее. В их письмах теперь больше серьезных размышлений, понимания сущности актерского труда, сложности нашей профессии, уважения к ней. Раньше чаще интересовались практической стороной жизни: как я стала актрисой, за кем замужем, даже сколько получаю. Теперь, если и спрашивают о чем-либо подобном, то совершенно с иных позиций. Людям интересен внутренний мир актера, обстановка, в которой он живет и работает, его вкусы, привязанности — в общем, все, что окружает и что формирует его как личность. Им хочется видеть в актере (если он создает яркие положительные спенические образы) человека чистой души, наделенного высокими нравственными качествами.

Знаю это по себе. Мои герои — характеры цельные, чистые, сильные духом. Таким же человеком зритель хочет видеть и меня, Людмилу Касаткину. Когда на творческих вечерах, отвечая на вопрос о семье, я рассказывала о сыне, муже, с которым нас связывает большая человеческая и творческая дружба, начавшаяся еще в студенческие годы в ГИТИСе, зал гремит аплодисментами.

Единственную отрицательную роль — монархистки Захарченко — мне привелось сыграть в телефильме «Операция «Грест». Я долго сомневалась, браться ли за нее. Как примет мою «измену» своему герою зритель? Но колебания были напрасными. Зритель оказался выше моих опасений. Он принял эту работу, хотя симпатии, судя по тем же письмам, оставались на стороне прежних образов. Как, впрочем, и мой. И вот почему.

Добро порождается только добром. Кажется, это истина. Но как часто мы ею пренебрегаем. Дурной поступок мы делаем достоинством общности, осуждаем его. Хороший же, благородный остается сплошь и рядом втуне. Всякое хорошее движение души должно находить соответствующий отклик окружающих. Тогда добро станет нормой поведения.

— И цель искусства, на мой взгляд, состоит в том, — утверждает Людмила Ивановна, — чтобы приподнять чело-

века, выявить, разбудить в нем лучшее, задеть добрые струны. И я счастлива, когда моим героиням это удается.

Актриса показывает письмо московской учительницы Т. В. Черниковой, которая делится своими впечатлениями о спектакле «Элегия». В нем Касаткина играет знаменитую русскую актрису Савину. «Помоему, это очень нужный спектакль, — пишет автор. — Он не только приоткрывает страничку истории — дружбу двух великих людей — Тургенева и Савиной. Он учит чистоте человеческих отношений, показывает нравственную цельность их характеров, духовную близость. Глядя на них, и сам становишься лучше, выше...»

На этом спектакле впереди меня сидела молодая парочка. Вначале они больше были заняты собой чем происходящим на сцене. Крепко обнявшись, переговаривались, жевали конфеты, смеялись. Потом в какой-то момент замолкли. Поддавшись вперед, следили за действием, переживали чувства героев. В антракте стояли притихшие, задумчивые и только смотрели друг на друга сияющими глазами.

Такие письма дороги актрисе вдвойне. Радостно сознавать, что ее искусство находит отклик в сердцах людей. Для такого зрителя хочется играть еще лучше.

— Наверно, каждый актер, — говорит Людмила Ивановна, — тонко чувствует зрительный зал. Полсознательно, каким-то шестым чувством он ощущает внутренний настрой сияющих перед ним людей. Он знает, переживают ли они вместе с героями или равнодушно наблюдают за их судьбой. Невидимые нити идут со сцены к зрителям. И связь эта не односторонняя — взаимная.

— Помню такую прямо-таки сверхъестественный случай, — продолжает Касаткина. — На одном спектакле мне стало вдруг не по себе. В чем дело — не пойму. С партнером — полнейший контакт, зритель, чувствую, со мной. А в антракте узнала: в зрительном зале женщины стало дурно. И хотя она ничем не выдала своего состояния до конца акта — оно передалось мне.

Если человек, пришедший в театр, глух к искусству, если он поглощен соседом, собственным костюмом, дожевывает бутерброд или грызет семечки (бывает и такое), то это неизбежно влияет на актера, мешает настроиться на верную волну.

Наш советский зритель — самый образованный, восприимчивый. Это отмечают все, кому приходится выступать в различных странах. Но нередко эти прекрасные качества уживаются с... невоспитанностью. Представьте, коварно спектакль, в половине зритель тотчас же торопливо устремляется к выходу. Не потому, что им не понравился пьеса. Только что они плакали и смеялись вместе с героями представления. Но закрылся занавес, в словно переменялись люди. Куда девались и чуткость, и такт, и деликатность.

Конечно, все это досадные мелочи. Может быть, и существуют они еще потому, что о них обычно не говорят — мелочи. Но пусть их лучше не будет. Пусть наш контакт — зрителя и актера — ничем не нарушается. Когда знаешь, что человек из театра или кино уходит хоть немножко другим: что-то появившим, что-то пережившим, что-то открывшим, веришь: по-иную, обновленным взором посмотрит он на окружающий мир, станет добрее, чище, духовно богаче. В этом счастье актера.

Беседу вела

О. КАЗАНЛИ.